

УДК 821.161.1-192(Высоцкий В. С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445
Код ВАК 10.01.01
ГРНТИ 17.07.41

В. В. ШАДУРСКИЙ

Великий Новгород

«ОХОТА НА ВОЛКОВ»:

ПЕСНИ В.С. ВЫСОЦКОГО У ИСТОКОВ РУССКОГО РОКА

Аннотация: Статья посвящена анализу песен В. С. Высоцкого об охоте на волков; определяется связь мироощущения поэта, писавшего о гибели волков, с протестной тенденцией свободолобивого русского рока.

Ключевые слова: Высоцкий, русский рок.

Сведения об авторе: Шадурский Владимир Вячеславович, кандидат филологических наук.

Место работы: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Должность: доцент кафедры русской и зарубежной литературы.

Контакты: 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; shadvlad@mail.ru.

V. V. SHADURSKY

Veliky Novgorod

«HUNTING FOR WOLVES»:

V.S. VYSOTSKY'S SONGS AT SOURCES OF THE RUSSIAN ROCK

Abstract: Article is devoted to the analysis of songs of V.S. Vysotsky about hunting for wolves; communication of attitude of the poet writing about death of wolves, with a protest tendency of the freedom-loving Russian rock is defined.

Key words: Vysotsky, Russian rock.

About the author: Shadursky Vladimir Vyacheslavovich, Candidate of Philology.

Place of employment: Novgorod State University.

Post: Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature.

Содержание многих песен В. С. Высоцкого сродни содержанию песен протестного рока 1980-х, только Высоцкий – раньше, острее, красивее, драматичнее. Действительно, его хочется назвать «первой звездой российского рока» [5, с. 181]. Неудивительно, что сознание и память филологов, анализирующих тексты представителей русского рока, полны ассоциаций с творчеством Высоцкого. Даже в нашем случае, многостраничный труд для соотношения объема поэтического текста и его невербального окружения обращается к одной из самых ярких песен лучшего поэта 1970-х: «... известная “Охота на волков” Высоцкого длится... около трёх минут

(то есть поэтического текста в трёхминутный синтетический текст может вместиться достаточно много)» [4, с. 253].

Но сейчас нас интересует именно литературно-знаковая особенность песен Высоцкого о волках, их атмосфера, которая как бы и предвещает настроение наиболее драматичных песен рок-поэтов. Как-то странно, одни из самых известных песен, песен о жестокости, о противостоянии, о гибели, о достоинстве изучены мало. Почему? Может быть, они недостаточно понятны? Их чувствуют, но не могут разгадать этот эмоциональный знак?

Вспомним один фрагмент книги уже вышеупомянутого автора: «...не только в рок-поэзии встречаются подобные “ассоциативные” произведения – достаточно вспомнить известную песню Высоцкого “Парус”. Сам поэт периодически называл её “набором тревожных фраз”, словно извиняясь перед публикой за некоторую необычность данной композиции. Эта “странная” песня действительно на первый взгляд может показаться непонятной: в “Парусе” нет особой логической связности, перед нами всё та же “поэзия отдельных фраз и ключевых слов”» [4, с. 262]. Что же даёт слушателям «Паруса» возможность его правильно воспринимать? Отсутствие чёткой логики, связности образов и слов перекрывается «экстралингвистической суггестией» - голосом, музыкой, эмоцией. Наконец, авторским тяготением к одной теме – нервом, внутренней тревогой, которая пронизывает текст, более того, текст одной песни продолжает свою жизнь в другой песне, в несколько иной жизненной атмосфере, в другое время, как следствие – из двух несвязных, раскиданных во времени образов, возникает нечто единое, более связанное, понятное. Это мы видим в песнях о волках.

Тексты двух песен Высоцкого: «Охота на волков» и «Конец охоты на волков, или Охота с вертолетов», написанные в разное время, публикуются после смерти поэта как диптих, как стихи одной темы, одних образов. Имеем ли мы право воспринимать эти тексты как части единого замысла, части единого произведения?

В обеих песнях передано лирическое сознание автора с помощью ролевой лирики: герой Высоцкого «примеряет» на себя шкуру волка. Мифологические представления о волке безжалостны, А.Н. Афанасьев даёт такую характеристику волка: «Волк, по своему хищному, разбойничьему нраву получил в народных преданиях значение враждебного демона. В его образе фантазия олицетворила нечистую силу ночного мрака, потемняющих небо туч и зимних туманов» [1, с. 377]. Но почему образы волков, волчьей стаи стали привлекательны для Высоцкого, если волк в общепринятом мнении – хищник, злодей, убийца, хотя он и очень умён, вынослив?

Научные наблюдения за волками дают немало примеров, когда их реакцию на события, их поведение трудно объяснить одними рефлексами и инстинктами. Это не просто животное с зачатками разумного поведения, оно странное: способно бояться барьеров из флажков и прогнозировать события, преодолевать немислимые препятствия. Возможно, эта двойственность сильного зверя особенно привлекла Высоцкого.

В первой песне 1968 года автор описывает охоту на волков с флажками. Сценарий этой загонной охоты особенный: «После выкладки привадов и заманивания волков, окладчики развешивают флажки по боковым сторонам, на установленной высоте, начинают облаву, направляя их в сторону стрелков. Когда зверь впервые видит флажки... боится их и может несколько дней сидеть в окладе, даже не пытаясь преодолеть такую легкую преграду» [10]. Ко всему прочему эта зимняя охота ведётся ещё и с собаками. Вспомним, что волчья стая имеет сложную социальную организацию, а нам показана охота именно на волчью стаю. Однако события передаются через сознание только одной из жертв – волка:

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня опять, как вчера,
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера¹.

В первом четверостишии воссоздаётся главное событие: вся жизнь волка – это постоянный гон на флажки с номерами, подневольность движения вопреки желанию свободы, желанию вырваться. Уже в этой событийности становится ясно, что всё рассказываемое – это не о переживаниях зверя, а метафорическое изложение судьбы энергичного, своенравного, непокорного человека, которого хотят не только загнать в рамки, но и поработить, истребить. Как подтверждение – собратьев волка расстреливают охотники:

Из-за елей хлопочут двустволки,
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувьркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Припев песни, который произносится четыре раза, написан, в отличие от основных четверостиший не трёхстопным анапестом, а шестистопным ямбом. Но протяжённость этого ямба не ощущается, наоборот, он становится очень ритмичным, жёстким за счёт полноударности стихов, коротких слов в 2-3 слога, двусложных глаголов и эллипсиса – пропуска других глаголов, который только ускоряет передачу картин:

Идёт охота на волков, идёт охота!
На серых хищников - матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

¹Тексты приводятся с учётом книги В. В. Бакина [2].

Отметим ещё один знак изображаемой охоты. Её ведут не простые охотники-любители, а знатоки лесного дела, профессионалы – егеря, безжалостные, хладнокровные:

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка!

И в тексте Высоцкого герою-волку досаждают, что волчья стая скована инстинктом – «традицией». Волки теряют ориентацию, оказавшись в пространстве, ограждённом флажками:

Волк не может нарушить традиций, –
Видно, в детстве – слепые щенки –
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!

Но ведь так и с людьми: загнанный в тупик человек ведёт себя совершенно неожиданно, непонятно для себя, но, возможно, – ожидаемо для окружающих. Вероятно, здесь проявляется горечь Высоцкого, состоящая в том, что люди проявляют странную способность подчиняться в неволе, изменять себе. «Характерная для Высоцкого жажда перевоплощения – это поиск выхода из темницы запретов» [9, с. 78]. Примечательно, что речь выстраивается не как речь главного волка – вожака, а речь одного из волков стаи:

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же, вожак, дай ответ, -
Мы затравленно рвёмся на выстрел
И не пробуем через запрет?

Но это речь персонажа с риторическим вопросом, речь тревожащегося за жизнеспособность своей породы, за правильность действий. Это не слепой волк, а волк размышляющий, могущий увидеть ситуацию охоты со стороны, но не гиперболизированный. Он сам словно убеждает себя в необходимости, правильности поведения стаи:

Волк не должен, не может иначе!

И волк ощущает близкий исход:

Вот кончается время моё.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся и поднял ружьё.

Происходит нечто удивительное. Волк изменяет все-таки принципам стаи, родовым рефлексам, традиции. Это волк свободы, удивляющий своим неожиданным, спасительным поведением; Высоцкий нарушает для него «сценарный запрет» и выводит из трагического сценария:

Я из повиновения вышел
За флажки: жажда жизни сильней,
Только сзади я радостно слышал
Удивлённые крики людей.

Словно обещанная первой строкой новой строфы «Рвусь из сил, из всех сухожилий» кольцевая композиция этого текста размыкается, обрываясь в следующих строках:

Но сегодня не так, как вчера!
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!

Волк смог избежать гибели, нарушив традицию поведения, его спасение – во имя жажды жизни, а не соблюдения правила. Во многом такое поведение – это выбор романтического героя, бунтаря. Однако обычно бунтари гибнут, а в тексте данной песни нарушитель порядка, преодолевший нормы, правила, оказывается на свободе, спасённым. Это метафора спасения героя-одиночки, героя-художника, который вынужден спасаться, но остаться в полном одиночестве.

В тексте песни «Конец “Охоты на волков”, или Охота с вертолётов» (1977-1978?), посвящённой Михаилу Шемякину, изображён уже другой тип охоты на зверя. Текст песни опять-таки выводит на аналогию с душами людей, словно речь идёт не о гонимых волках, а о блуждающих, смятённых душах. О проблемах атрибуции этой песни и обстоятельствах её создания, связи с травлей инакомыслящих очень подробно написано в работе В. А. Яковлева [12].

Знатоки охоты с вертолёта объясняют: «С помощью вертолётов удобно выслеживать зверей и осуществлять учёт поголовья волчьей стаи... можно выследить и уничтожить “противника”» [11].

Словно бритва, рассвет полоснул по глазам,
Отворились курки, как волшебный сезам,
Появились стрелки, на помине легки,
И взлетели стрекоты с протухшей реки,
И потеха пошла – в две руки, в две руки!

Это опять охота на волчью стаю. Примечательно, что в этом тексте опять идёт рассказ от лица волка, вспоминается уже ранее спасшийся волк, нырявший под флажки:

Мы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки...

Но и ему в этом случае страшно, мерещится своеобразная волчья могила:

... Чужал волчьи ямы подушками лап;
Тот, кого даже пуля догнать не могла б,
Тоже в страхе взопреп, и прилѣг, и ослаб.

В строках этого текста уже словно напророчена неперемнная гибель: счастливого исхода в жизни волка уже быть не может:

Чтобы жизнь улыбалась волкам – не слышал:
Зря мы любим её, однолобы.
Вот у смерти – красивый широкий оскал
И здоровые, крепкие зубы.

Но в стае бурлит месть, как будто ещё возможна встреча с давним врагом – сворой собак, есть ещё неоплаченные «долги».

Улыбнѣмся же волчьей ухмылкой врагу –
Псам ещё не намвлены холки!

В отличие от текста первой песни, посвящённой охоте на волков, здесь ритм от основных строк к припевным не меняется. Сохраняется на протяжении всего текста четырёхстопный анапест. Но он тоже ритмичен, жесток, а не мелодичен, хорошо передаёт динамику событий, быстроту движения, смену картин:

Мы ползли, по-собачьи хвосты подбрав,
К небесам удивлённые морды задрав:
Или с неба возмездье на нас пролилось,
Или света конец – и в мозгах перекос...
Только били нас в рост из железных стрекоз.

Эпитет «татуированный» в сочетании с существительным «кровью» передаёт глубокий кровавый след, пространственное восприятие происходящего и одновременно трагичный финал для волков. Волк мужественно смиряется с предстоящей смертью. Волки оставили кровавую роспись именно потому, что они гибнут, и только в гибели они до конца теряют возможность быть волками.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождѣм –
И смирились, решив: всё равно не уйдем!

В этом тексте как таковых простых припевов – полных рефренов-четверостиший – нет, за первой строчкой в целом повторяющейся строфы идёт вторая – новая, по отношению к аналогичной в предыдущем припеве:

Улыбнёмся же волчьей ухмылкой врагу,
Чтобы в корне пресечь кривотолки.
Но на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

Волки словно подтверждают свою марку, свой гордый статус, своё желание быть непокоренными, свободными. Интересно, что в определённом месте происходит перемена: то ли речь начинает вести вожак стаи, то ли спасителем её становится тот самый волк, который с самого начала вёл рассказ, вероятнее всего, это тот самый волк, выживший на предыдущей охоте:

К лесу – там хоть немногих из вас сберегу!
К лесу, волки, – труднее убить на бегу!
Уносите же ноги, спасайте щенков!
Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
И скликаю заблудшие души волков.

Старый волк снова остаётся в одиночестве. Но теперь его одиночество не спасительное. Опять-таки в отличие от первого текста, здесь нет выживших, волки смирились перед неминуемой гибелью не потому, что они должны опять действовать по правилам, а потому, что уйти от смерти невозможно. Более того, в невозможности уйти есть какая-то обречённость, определённая злым умыслом и беспощадной хваткой – человека, а не Бога. Человек не оставляет шансов в этом случае – и он страшнее всего на свете, охота названа «бойней», бессмысленным, беспощадным, полным уничтожением:

Те, кто жив, затаились на том берегу.
Что могу я один? Ничего не могу!
Отказали глаза, притупилось чутьё...
Где вы, волки, бывшее лесное зверьё,
Где же ты, желтоглазое племя моё?!

П. П. Горностай считает, что в последних двух строках «завещание поэта новому поколению, поиск единомышленников, духовных и творческих наследников» [6]. Он настаивает на жизнеутверждающей концепции автора. Но будем внимательнее к тексту: волк Высоцкого выжил, но если после первой охоты он нашёл новую волчью стаю и смог в ней жить, жить среди своих, по близким сердцу законам, то теперь этого не случилось. Осталась жажда мести, злость и ощущение беспомощности. Последняя часть песни выглядит как горестный эпилог:

...Я живу, но теперь окружают меня
Звери, волчьих не знавшие кличей, -
Это псы, отдалённая наша родня,
Мы их раньше считали добычей.
Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу –
Обнажаю гнилые осколки.

Надежда волка, или условного волка, волка-символа, на полноценную жизнь исчезла, поэтому финальные строчки не утверждают жажду жизни, а показывают остывшее, уходящее в прошлое место бойни, на котором убита волчья порода.

Но на татуированном кровью снегу
Тает роспись: мы больше не волки!

В большинстве книг, в которых запечатлены песни Высоцкого, в частности «Охота на волков» и «Конец охоты на волков», издатели публикуют их рядом, как бы по своей воле объединяя их в микроцикл: «Порядок стихотворений в книге приближен к хронологическому. “Двухсерийные”, по мнению автора, песни, если они написаны не в один год, расположены согласно датировке поздней из двух песен» [8, с. 407]. И это верно. В 1977 г. на вопрос «Будут ли новые циклы песен?» Высоцкий отвечал: «Будут, будут, уже делается, ну а кроме того, вдруг решил, например, продолжить цикл о волках – до полного истребления. Черновик песни о том, как их бьют с вертолёта, сейчас лежит в кармане» [3, с. 4]. Высоцкий хотел написать продолжение «Охоты...». Такие случаи у него бывали: для них он даже подобрал кинематографическое название – «двухсерийные», в этом определении прослеживается актёрская суть поэта-артиста, которая заставляла его проигрывать роль до конца, до полного воплощения.

Тексты песен Высоцкого о волках имеют сходство в организации образной системы, и в целом они создают образ волка, имеющего не только опыт жизни и волчью происхождение, но и обладающего человеческими способностями – мыслить, чувствовать, ценить жизнь. Второй текст продолжает тему первого, но и уточняет судьбу волка – человека, рвущегося к свободе. Наблюдения за ритмом, основными образами двух текстов песен дают понять, что, по сути, они стали двумя сюжетными событиями для раскрытия одной темы – трудного пути личности в отстаивании свободы, своей природной основы, это стихи о трагическом одиночестве загнанного человека. Соответственно, мы в праве их воспринимать как составные части микроцикла, части, разделённые временем, но связанные тревожной душой поэта в один текст ролевой лирики.

То, что ситуации охоты и приёмы ролевой лирики Высоцкого активно использовали в своём творчестве рок-исполнители [7, с. 127], естественно

и понятно, но в их рецепции цельность микроцикла Высоцкого вряд ли могла быть актуализирована.

Литература

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. [Текст] / А. Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 408 с.
2. *Бакин В. В.* Владимир Высоцкий без мифов и легенд / В. В. Бакин. – М.: Эксмо, 2011. – 686 с.
3. *Высоцкий В.* Песня – это серьезно [Текст] / В. Высоцкий // Комсомолец Донбасса (Донецк). – 26 декабря 1980.
4. *Гавриков В. А.* Русская песенная поэзия XX века как текст [Текст] / В. А. Гавриков. – Брянск: ООО «СРП ВОГ», 2011. – 634 с.
5. *Гнедовский М. А.* Майк, или Секретная лаборатория российского рок-н-ролла [Текст] / М. А. Гнедовский // Семидесятые как предмет истории русской культуры. – М.; Венеция: ОГИ., 1998. – РОССИЯ/RUSSIA. – Вып. 1 [9] – 304 с. – С. 179–196.
6. *Горностай П. П.* Охота на волков, или Психодрама Владимира Высоцкого [Электронный ресурс]: Электронная статья / П. П. Горностай // Сайт профессиональных психологов. – 19 января 2011. – Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/1482> (дата обращения: 31.12.2013).
7. *Доманский Ю. В.* Феномен Владимира Высоцкого в культуре русского рока [Текст] / Ю. В. Доманский // Владимир Высоцкий и русский рок: Сборник статей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 131 с. – С. 110–127.
8. *Крылов А.* Комментарии [Текст] / А. Крылов // *Высоцкий В. С.* Поэзия и проза. – М.: Кн. палата, 1989. – 447 с. – С. 404–432.
9. *Нежданова Н. К.* Современная русская поэзия: пути развития: учебное пособие [Текст] / Н. К. Нежданова – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. – 91 с.
10. Психика волка и его поведение [Электронный ресурс]: Электронная статья // Энциклопедия млекопитающих: сайт – Режим доступа: <http://fauna.su/psihika-volka-i-ego-povedenie-3.html> (дата обращения: 31.12.-2013).
11. *Смирнова А.* Охотники с вертолёт: «санитары леса» или киллеры? [Электронный ресурс]: Электронная статья / А. Смирнова // Ассоциация вертолётной индустрии: сайт. – 24 июня 2009. – Режим доступа: http://www.helicopter.su/press-centr/articles/oxotniki_s_vertoleta.html (дата обращения: 31.12.2013).
12. *Яковлев В. А.* Песню «Конец охоты на волков» бард написал в Донецке [Электронный ресурс]: Электронная статья / В. А. Яковлев // Тульская областная универсальная научная библиотека: сайт. – Режим доступа: http://www.tounb.ru/library/Upload/Gorizont/%E2%84%96_60.pdf (дата обращения: 31.12.2013).